

Александр Альбертович ДЕНИСОВ

Научный руководитель Московского проекта «Нетократия», старший научный сотрудник Института конструкторско-технологической информатики РАН

МИРОВОЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМА НОВЫХ КАДРОВ

Свою статью мне хотелось бы начать с обсуждения того, что можно назвать «духом кризиса». В данном случае меня не интересуют фундаментальные экономические или системные основания кризиса. Очень важно понять истоки возникновения совокупности малозначительных признаков, каждый из которых сам по себе не играет и не может играть никакой роли. Но будучи объединенными в единый поток, они как сель сметают все основания экономики и общества. Это и есть «дух кризиса». А возникающие у нас на глазах руины экономики и общественного уклада мы называем «кризис» или «мир вразнос». Двигаясь по этому пути, очень важно осознать не только, **почему вообще** возник сегодняшний кризис, а **почему** он начался именно **такого-то числа такого-то месяца**.

Если протекает газовый баллон, то довольно скоро в доме образуется взрывоопасная смесь — это системные и экономические предпосылки кризиса. Чтобы произошел взрыв, необходимо, чтобы хозяин дома зажег спичку. Это технологии «включения» кризиса. «Дух» же кризиса отражает определенную последовательность поступков хозяина дома, вследствие которых тот почему-то не заметил дефекта газового баллона, не смог почувствовать запах газа, вовремя не проветрил помещение и, наконец, по какой-то причине вдруг зажег спичку и вызвал взрыв, приведший к разрушению дома и его гибели.

Как видно из предложенной аналогии, речь идет о человеческом факторе. Собственно, ничего другого в основе **общественного** кризиса нет и быть не может. «Кадры решают все!» Но что делали эти «кадры», в результате чего возникла цепочка событий, неотвратимо приведшая к кризису (в нашей аналогии — к взрыву дома)? Они принимали решения. Решения — вот самое существенное! Именно люди создают «сель» — точнее, последовательность принятых ими решений (каждое из которых само по себе может быть правильным и уместным), сложившись в единый поток управления, может уничтожить и наше общество, и нашу экономику. Этот аспект, как правило, остается вне зоны внимания, что глубоко ошибочно и опасно.

«Мир вразнос»: технологическое определение

В свете предложенной аналогии не будет неожиданным следующий тезис. Кризис «включается» в определенный момент не в результате накопления системных, то есть фундаментальных факторов (вроде задолженности, необеспеченности ликвидностью денежной массы и т.д.), а вследствие того, что в какой-то момент времени вдруг перестают работать все известные механизмы управления людьми — в менеджменте корпораций и банков, в государственном управлении и т.д.

Следовательно, кризис есть неожиданно и катастрофически развившийся хаос в управлении, **одномоментный отказ всех механизмов управления**.

По здравому размышлению, это вполне справедливо. Как говорил профессор Преображенский в «Собачьем сердце» Михаила Булгакова: «Разруха не в клозетах, а в головах».

При каком условии «все известные механизмы управления» перестают работать? Единственно и исключительно тогда, когда где-то исподволь, непублично накопилась критическая масса совершенно новых механизмов управления, которые некая воля неожиданно для всех и к своей выгоде начала использовать для перехвата контроля над ситуацией у «старых» руководителей, менеджеров корпораций и банков, акционеров и других персон. В таком случае на первом этапе всегда возникает хаос управления («кризис», «мир вразнос»). Потому, безусловно, правы все те, кто настойчиво заявляет, что наш сегодняшний кризис является рукотворным. Никаким иным он и не может быть!

Ключ к постиндустриализму и конвергенции технологий

В качестве ключа к пониманию сущности «духа кризиса» в том смысле, который был мною обозначен, хочу воспользоваться основными положениями доклада С.Б. Перслегина. Напомню: автор рассказал о магистральной тенденции мирового развития, которая заключается в том, что «формируется технологический мейнстрим», подразумевающий взаимосвязанное и системное развитие и объединение в некий единый комплекс четырех совершенно разных технологий — инфо, био, нано и эко.

С конструкторско-технологической точки зрения интеграция или конвергенция этих технологий имеет смысл для решения одной единственно возможной задачи: для создания **совершенно нового носителя сознания**. Причем такая постановка задачи не только не исключает, но, наоборот, предполагает в качестве обязательного условия возврата инвестиций в подобный проект создание сначала гибридного носителя сознания («тела»), затем собственно единичного сознания с совершенно новыми свойствами и, наконец, коллективного сознания, возникающего из объединения множества подобных, новых по свойствам сознаний в некоей гибридной же ландшафтной среде (например, в модифицированном определенным образом городском конгломерате).

Однако все указанные четыре типа технологий — это области инженерного конструирования. Поэтому для решения задачи конвергенции они должны быть дополнены инженерным же конструированием сознаний. Этот недостающий «пятый элемент» откроет дорогу в новую техно-

логическую реальность, которая определит весь постиндустриальный мир.

Этот момент предельно важен для понимания «духа кризиса»: борьба за «пятый элемент» определила не только «дух кризиса», но и конкретный момент «включения» мирового финансового, а теперь понятно, что и мирового системного кризиса.

«Пятый элемент», пятый тип технологий (который уже существует) — это инженерное конструирование сознаний. Насколько я знаю, эти технологии развиваются с начала 1990-х гг. в России, США и Японии. Их рабочее название — «психоинжиниринг». Психоинжиниринг стал естественным развитием рефлексивных моделей российско-американского ученого В.А. Лефевра, то есть технической кибернетики второго рода, занимающейся управлением системами с самосознанием. Все критические события 2008 г., приведшие к российско-грузинской войне, обвалу финансовых рынков и т.д., в той или иной степени были связаны с процессами окончательного внедрения этих технологий в практику управления конфликтами — как в военно-политической, так и в финансовой сферах.

В 2008 г. «авторы» проекта были вынуждены дважды продемонстрировать, что мир вошел в новую эру. Для этого было организовано два «события», во время которых дважды подряд произошел

Кризис есть неожиданно и катастрофически развившийся хаос в управлении, одномоментный отказ всех механизмов управления

полный перехват управления в военно-политическом конфликте. Первое «событие» — перехват военно-политического управления у США и России, что привело к началу войны с Грузией; второе — террористическая атака на Мумбаи.

«Пятый элемент» должен был на деле доказать свое право на жизнь — причем в реальной конкурентной борьбе не с устаревшими технологиями прошлого, а со вторым претендентом на будущее. Таковым оказалась совершенно новая, отточенная и оттестированная десятилетним трудом ведущих ученых мира технология среднего управления или управления в полисубъектных средах, созданная гением ее главного разработчика — В.А. Лефевра.

Две системы технологий — психоинжиниринг и управление в полисубъектных средах — должны были напрямую столкнуться в реальном конфликте в процессе так называемых финишных

многопрофильных полевых испытаний. Только одна из них должна была победить. Та, что победит, станет основой будущей мировой системы управления конфликтами.

Интересно, что обе технологии с момента своего создания были принципиально несовместимы со старыми технологиями управления. Поэтому уже сам факт начала проведения подобных испытаний создавал главные предпосылки управленческого хаоса, возникновения «мира вразнос».

Как «включался» кризис

На Кавказе летом 2008 г. прошел первый этап вышеназванных полевых испытаний. Здесь опробовался совершенно новый тип операционного центра управления конфликтом, основанного на создании людей с существенно иными психическими свойствами. Испытания прошли удивительно успешно. Новый операционный центр полностью «взломал» систему управления конфликтом, основанную на традиционных методах рефлексивного управления, рефлексивного программирования и (*того самого!*) средового управления или *управления в полисубъектных средах*.

Вторым этапом испытаний стало нападение на Мумбаи. Террористическим актом его назвать нельзя, так как в нем отсутствовали важнейшие признаки теракта. Не вдаваясь в подробности, хочу отметить одну из важных особенностей трагедии в Мумбаи: нападению подверглись *только* элитные группы населения. Уже одно это означает, что это был не террористический акт, то есть акт психологической войны, а полноценное военное нападение.

При подготовке второго «события», судя по множеству признаков, были использованы очень схожие наработки по созданию новых свойств человека, близкие или идентичные методы засекречивания, планирования и т.д.

Первое «событие» — на Кавказе — показало исключительные преимущества новых операционных центров, то есть преимущества психоинжиниринга в области управления. А второе — нападение на Мумбаи — шокирующую эффективность новых воинских подразделений, созданных на основе методов психоинжиниринга. Не вызывает сомнений, что оба «события» были четко связаны одним «планировщиком», логикой планирования и системой критериев оценки эффективности единых полевых испытаний.

Нужно понимать, что каждый этап испытаний, каждое отдельное «событие» представляло собой длинную череду принимавшихся решений и внешних проявлений их последствий, таких как обвал на той или иной бирже, ввод или вывод

войск, политические, дипломатические демарши и т.д. Эти два «события» суть внешние проявления «включения» кризиса. В предложенной выше аналогии они вместе представляют собой своего рода зажигание спички хозяином дома, в результате чего произошел взрыв. Эти «события» — настойчиво и заботливо воспроизведенные причины, по которым отключались все известные механизмы управления и возникал управленческий хаос. Теперь этот хаос развивается дальше и последовательно охватывает все этажи общественного управления. В итоге возникает «мир вразнос».

«Дух кризиса» и технология «включения» кризиса

Теперь вернемся к «духу кризиса». Психоинжиниринг как «пятый элемент» должен был доказать свою жизнеспособность. Для этого во время полевых испытаний его «столкнули» с рефлексивными технологиями управления конфликтом и с вершиной развития этих технологий, с настоящим шедевром — «лефевровским» управлением в полисубъектных средах. Последнее не может рассматриваться как основа «пятого элемента», но это лучшее, что было когда-либо придумано человеческим гением в области управления.

Тонку выиграл психоинжиниринг. Каким образом?

Все известные нам технологии управления действуют внутри системы и изнутри ее. Иными словами, в их основе неявно лежит признание того факта, что все люди примерно одинаковы по своим психическим свойствам. Это же касается и всех технологий рефлексивного управления, включая управление в полисубъектных средах.

Психоинжиниринг отрицает эту идею. Он изначально был создан для того, чтобы конструировать сознания с *иными* свойствами. Поэтому психоинжиниринг позволяет создавать особые «внесистемные» области, почти абсолютно изолированные от традиционных человеческих организаций уникальными интеллектуальными способностями «новых», созданных с его же помощью людей — сотрудников специальных операционных центров, таких как тот, что перехватил управление во время кавказского кризиса.

Тут-то и кроется корень «духа кризиса». Напомним: кризис «включается» вследствие **одномоментного отказа всех механизмов управления**.

Сегодня существуют два различных подхода к управлению развитием человеческих организаций. **Первый подход** основан на том, что мы называем «менеджмент». В его основе — использование прав собственности на материальные,

нематериальные и финансовые ресурсы («чистые активы»). По своей сути это экономическое управление. Его содержание — увеличение совокупной стоимости чистых активов организации, достигаемое путем максимизации либо экономической прибыли, либо акционерной стоимости бизнеса.

Второй подход к управлению конкурентной борьбой и развитием исходит из того, что любая организация функционирует в общественной среде, которая характеризуется большим количеством принципиально внеэкономических источников коллективной активности (систем влияния) — «стейкхолдеров». Ими могут быть местные сообщества, религиозные и общественные организации, местные или государственные органы власти и т.д., и т.п. В большинстве случаев организация не вступает со стейкхолдерами в товарно-денежные отношения. Однако их влияние на ее развитие может быть огромным — как в позитивном, так и в негативном смысле.

Целенаправленно структурируя и управляя активностью стейкхолдеров как составных частей единой самосогласованной среды, можно создавать исключительные внешние условия для стабильности и развития любой организации, для управления ее конкурентной борьбой. В подобном управлении, как правило, не могут быть задействованы активы, то есть права собственности, которыми владеет эта организация, и в этом смысле второй подход следует определить как **внеэкономическое управление**.

Вершину внеэкономического управления представляет собой «лефевровское» рефлексивное управление, в том числе управление в полисубъектных средах. Действуя внутри системы, эти технологии, структурируя среду, задают и логику/правила экономического управления, то есть управления стоимостью чистых активов. Тем самым внеэкономическое управление становится подоплекой управления *любым* социальным, религиозным, военным, политическим или финансово-экономическим конфликтом.

На это знание и ориентировались все без исключения государственные чиновники, финансисты, военные, террористы, бандиты и т.д. Однако психоинжиниринг показал, что можно создавать принципиально *внесистемные* области, располагая в них качественно иные центры управления конфликтом с невообразимыми для «нормального» управленца технологиями, действующими *в обход всех известных механизмов защиты* от внешнего управления.

Игнорируя возможность существования подобных психоинжиниринговых центров и техно-

логий, менеджеры, государственные чиновники и военные руководители принимали решения, не замечая, что рядом и параллельно с ними действует еще одна сила. Поэтому каждое отдельное их решение *всегда* было правильным и своевременным. Но их итоговый результат *всегда* оказывался совершенно *иным*. Так технологически сформировался «дух кризиса», то есть цепочка правильных в своей основе решений, фатально ведущих к катастрофе, к «миру вразнос». А технология «включения» кризиса по существу представляла собой простую визуализацию того факта, что все старые технологии управления вдруг перестали работать.

«Мир вразнос»: выход из кризиса и приз победителю

Из приведенного определения «духа кризиса» вытекает ключевой вопрос современного мирового кризиса или «мира вразнос» — вопрос о новой кадровой политике, точнее, о производстве новых кадров. Возникший управленческий хаос, вызванный неожиданным отказом всех старых механизмов управления, для своего разрешения требует перехода к производству совершенно новых управленческих кадров, способных использовать не только традиционные, но и новые технологии управления, включая управление в полисубъектных средах и внесистемное управление на базе методов психоинжиниринга.

Поэтому главный вопрос «мира вразнос» состоит в следующем: нужны кадры, которые освоят новые технологии. Это означает, что сегодня открыт набор в новую мировую элиту.

Таким образом, выход из мирового финансово-экономического кризиса связан вовсе не с тем, какие материальные технологии будут освоены, будет ли санирована какая-то денежная масса или не будет и т.п. — все это вторичные факторы.

Выход из кризиса связан с тем, как быстро то или иное государство успеет создать свою социальную технологию подготовки новых управленческих кадров и контроля над ними со стороны общества. По опыту 1960-х гг., когда происходило внедрение рефлексивного управления, этот процесс должен занять примерно десять лет.

Призом для новой мировой элиты станет комплексная технология конструирования и производства новых гибридных носителей сознания и новых сред, обладающих особыми типами коллективных сознаний — основа удивительных источников материального богатства и новых невообразимых форм власти. На решение этой задачи также требуется примерно десять лет. ■

Выход из кризиса связан с тем, как быстро то или иное государство успеет создать свою социальную технологию подготовки новых управленческих кадров и контроля над ними со стороны общества